

Глава 4

Разразившаяся битва за право наставничества закончилась так же внезапно, как и началась, стоило лишь вмешаться Совершенной Мастернице Юаньюй.

Заметив, что Баошу не спешит возвращаться в свои покои, она сразу смекнула: тот наверняка вновь отправился донимать Ду Чэнъина. Юаньюй поспешила на помощь. Будучи не только единственной женщиной в совете старейшин горы Лунной Росы, но и её самой могущественной воительницей, она обладала достаточным авторитетом. Под её натиском даже Совершенный Мастер Баошу был вынужден отступить. Бросив на прощание сквозь зубы ледяное «мы ещё увидимся», он скрылся из виду.

Ду Чэнъин, бледный и всё ещё заметно страдающий, с трудом поднялся на ноги. Глядя на встревоженную Мастерницу, он склонился в поклоне.

— Благодарю за помощь, Совершенная Мастерница.

Юаньюй лишь тяжело вздохнула. Она искренне не понимала, за что Баошу так ополчился на талантливого юношу, к которому сама она питала глубокое уважение.

— Сегодня я смогла тебе помочь, — мягко произнесла она, — но я не смогу оберегать тебя вечно.

— Я понимаю, — спокойно отозвался Ду Чэнъин.

Взгляд Юаньюй скользнул по Линь Ци, который всё ещё поддерживал своего товарища за локоть.

— О? Ты ведь из клана Линь из Хуаюаня?

Линь Ци почтительно поклонился.

— У Мастерницы острый глаз. Ученик Линь Ци приветствует вас.

Юаньюй весело рассмеялась.

— Дело не в глазах, а в чутком нюхе. От вас, выходцев из клана Линь, всегда исходит на редкость приятный аромат.

Линь Ци внутренне содрогнулся.

«Как я мог забыть про эту деталь в описании?»

Ду Чэнъин же про себя лишь подтвердил её слова: от его спутника действительно исходило едва уловимое благоухание, которое неизменно дарило ему покой и умиротворение.

На этом небольшая буря в стакане воды утихла. Ду Чэнъин отправился провожать тех, кто не прошёл испытание, к подножию горы. Принимая крайне виноватый вид, он просил их не разглашать подробности случившегося на лестнице.

Адепты, только что претерпевшие унижение от Мастера Баошу и ставшие свидетелями его несправедливой агрессии, на словах согласились. Однако, впечатлённые благородством Ду Чэнъина, в глубине души они лишь сильнее преисполнились негодования в адрес его отца.

Юноша с удовлетворённой улыбкой проводил их взглядом, после чего вернулся за Линь Ци.

Всё сложилось так же, как и в изначальной истории: Линь Ци стал учеником Совершенного Мастера Саньюэ и поселился на том же пике, что и его товарищ.

В прошлой жизни, когда Ду Чэнъин томился под началом жестокого Баошу, его обитель была на редкость убогой. Линь Ци тогда по крупицам собирал для него предметы первой необходимости, стараясь хоть немного облегчить его существование.

Теперь же, застыв перед входом в новые чертоги, Линь Ци невольно разинул рот от изумления. Перед ним высилось строение, больше напоминающее роскошный императорский дворец, нежели келью заклинателя.

— Наставник вечно занят делами и редко бывает на горе, — мягко пояснил Ду Чэнъин. — Старшие братья обычно обустраиваются сами, кто во что горазд. Эту обитель я подготовил специально для тебя... младший соученик.

Тот, кого он привык называть «старшим братом», теперь официально стал его младшим. Это вызвало у Ду Чэнъина странное, почти трепетное чувство: наконец-то пришёл его черёд защищать и оберегать Линь Ци.

«...»

«Материальные блага не должны сбить с пути преданного своему делу координатора».

Мастер Саньюэ действительно не жаловал адептов своим вниманием, предоставляя им полную свободу. Каждая обитель на этом пике была уникальной, отражая вкус владельца. Но воздвигнуть настоящий дворец в самом сердце священных гор — это было уже чересчур!

Линь Ци не сомневался: появился такое величественное здание в его родном мире, за вход наверняка брали бы не меньше двухсот юаней, причём без каких-либо скидок в праздничные дни.

— Тебе не нравится? — Ду Чэнъин заметил, что на лице Линь Ци не отразилось ни капли восторга, и мысленно обругал себя за недогадливость.

Разве мог его кумир соблазниться мирской суетой и блеском золота? Подобная вульгарность наверняка лишь оскорбила его высококую душу.

— Брат Ду... ты приложил слишком много усилий, — с тихим вздохом произнёс Линь Ци.

Он и представить не мог, что Ду Чэнъин окажется столь выдающимся архитектором.

— Раз тебе не по душе, я велю всё снести, — с искренним сокрушением отозвался юноша. — Не стоит принуждать себя.

«Снести?..»

Линь Ци стало невыносимо жаль этот шедевр зодчества.

— Нет-нет, не стоит! Здесь очень красиво, я с радостью останусь. Спасибо тебе, брат.

Ду Чэнъин, увидев, как Линь Ци мгновенно переменял решение, лишь в очередной раз восхитился его добротой. Он был уверен: Линь Ци просто не хочет его расстраивать и готов поступиться собственным комфортом ради чужого спокойствия.

Взгляд, которым Ду Чэнъин смотрел на него, был столь переполнен нежностью, что даже Линь Ци, лишённый в определённых вопросах всякой проницательности, почувствовал неладное. В его голове вдруг вспыхнула догадка.

— Брат, неужели ты серьёзно ранен? Давай я осмотрю твои раны?

При мысли о врачевании глаза Линь Ци даже немного азартно блеснули. Его собеседник счёл это проявлением искренней заботы, и лишь система знала: Линь Ци беспокоится исключительно о выполнении рабочих задач.

— Что ж, тогда я в твоих руках, — едва слышно прошептал Ду Чэнъин.

На самом деле он был в полном порядке. Но ради Линь Ци он был готов стать раненым.

Сославшись на необходимость принести лекарства, Ду Чэнъин велел товарищу входить в дом первым.

Внутри обитель оказалась в несколько раз роскошнее, чем снаружи. Повсюду, словно ничего не стоящий мусор, были расставлены артефакты, за которые в мире смертных и заклинателей развязались бы войны.

Линь Ци опустился на кушетку и обнаружил, что она не только огромна, но и невероятно мягка. Казалось, будто облако спустилось с небес, чтобы стать его постелью. У изголовья тихо цвёл редчайший Трёхсердцевинный лотос, источая чарующий, едва уловимый аромат.

Проверив список задач этого мира, Линь Ци обнаружил, что после «Лестницы Совершенствования» все остальные узлы окрасились в серый цвет. Его охватило дурное предчувствие.

[Не паникуй.]

«Я не стану читать ту гадость, что ты прислала».

Линь Ци даже отказывался называть те книги «материалами».

[Ой, да я и не предлагала. Сами мысли лезут, да?]

Линь Ци промолчал, не находя слов. Система же, внезапно посерьезнев, продолжила:

[После изменения параметров мировой линии у главного героя проявился феномен перерождения. Это случается, хоть и редко. Вполне естественно, что сценарий начал меняться, и обновление задач — лишь вопрос времени.]

Слушая рассуждения о «нормальности» и «неотвратимости», Линь Ци немного успокоился.

«Значит, если я буду следовать за течением мира, я всё ещё смогу завершить работу?»

[Знаешь, почему эти миры вообще рушатся?] — внезапно сменила тему система.

Наконец-то они перешли к сути! Глаза Линь Ци загорелись жадой знаний.

«Почему?»

[Вообще-то, Альянс держит это в строгом секрете.]

Линь Ци понимал — правила есть правила. Сотрудникам нельзя знать слишком много. Хотя он и не собирался вредить, факт оставался фактом: он умудрился довести до краха все предыдущие миры.

Возможно, он уже возглавлял чёрный список Альянса. Представив своё туманное карьерное будущее, юноша с мольбой в голосе произнёс:

«Пожалуйста, помоги мне».

[Хм,] — отозвалась система. — [Миры рушатся по одной причине: главный герой «чернеет».]

«Но Ду Чэнъин кажется вполне адекватным», — засомневался Линь Ци.

[Для системы «почернение» — это не переход на сторону зла в привычном понимании. Это потеря главной цели героя. Когда он идёт вразрез с ядром изначального сценария, энергия мира рассеивается, и всё превращается в прах.]

Теперь Линь Ци всё понял. На обучении наставники вдалбливали им: нельзя игнорировать даже малейшие детали. Любая незначительная мелочь может исказить характер героя, и мир потеряет устойчивость.

Система пояснила: после смерти Линь Ци в оригинале Ду Чэнъин вместо того, чтобы стать Главой Праведного Пути, пал на демонический путь. Мировая структура не выдержала такого крутого виража, и всё схлопнулось.

Координатора осенило. Значит, он где-то допустил оплошность.

«Я понял. И как мне теперь направить Ду Чэнъина на путь истинный?»

[В том-то и загвоздка.]

«В чём?»

[Ошибка в методе. Не «прямо», а «криво».]

«Криво?»

[Ду Чэнъина уже не выправить, так что лучше приложи усилия к самому себе.]

Линь Ци почувствовал, что снова перестал понимать систему.

[Загляни всё-таки в те манускрипты, что я подготовила.]

«...»

Всё вернулось на круги своя. Увидев, что юноша по-прежнему не желает поддаваться, система ядовито прокомментировала:

[Кто в юности не приложит стараний, у того в зрелости пятая точка познает боль.]

«...»

Линь Ци окончательно убедился: обсуждать работу с системой — затея бесполезная.

В этот момент вернулся Ду Чэнъин. Войдя, он увидел, что Линь Ци послушно сидит на краю постели и заворожённо смотрит на Трёхсердцевинный лотос. Его тёмные глаза казались чистыми и немного растерянными — он явно ещё не отошёл от недавних потрясений. От этого зрелища сердце Ду Чэнъина болезненно сжалось.

Даже свежая рана на животе, которую он только что сотворил, перестала казаться болезненной.

Прижав руку к поясу, он медленно подошёл. Линь Ци тут же вскочил и подхватил его под руку, хмурясь.

— Совершенный Мастер Баошу перешёл все границы!

Он искренне не понимал, зачем быть столь жестоким к собственному сыну.

— Баошу ненавидит меня, — глухо отозвался Ду Чэнъин, — и я лишь виноват в том, что втянул тебя в это.

— Не говори так, — поспешно перебил его Линь Ци. — Ты ведешь себя как чужой.

Он помог товарищу опуститься на мягкую кушетку.

Удар Баошу был столь быстр, что Линь Ци не успел ничего разглядеть. Но когда Ду Чэнъин приоткрыл полы своих одежд, Линь Ци ахнул. Рана выглядела пугающе: на белой коже расцвело кровавое пятно, окружённое багровыми и синюшными кровоподтёками.

— Этот Совершенный Мастер... — Линь Ци до боли сцепил зубы, не в силах подобрать слов покрепче. — Просто невыносим.

«Как же мило он злится, даже не умея толком ругаться», — подумал Ду Чэнъин. Ему нестерпимо хотелось коснуться плеча Линь Ци или провести рукой по его волосам. Но стоило ему взглянуть на живого друга, как в памяти всплывала картина: Линь Ци, умирающий у него на руках.

Этот ужас потери заставил его непроизвольно сжать ладонь товарища. Тот поднял голову и встретился с ним взглядом. В чёрных, глубоких глазах Ду Чэнъина плескалась затаённая, бесконечная печаль. Линь Ци на мгновение замер.

Ему и вправду было жаль Ду Чэнъина. Смерть близкого друга — тяжёлый удар для любого. Но жалость жалостью, а работа — работой.

Координатор чётко разграничивал реальность и фикцию. В своей настоящей жизни он никогда не позволял чувствам брать верх, и уж тем более не собирался делать этого здесь. Он знал: соперничество — враг эффективности. Его цель — помочь Ду Чэнъину достичь божественности любой ценой.

Линь Ци чуть крепче сжал ладонь друга.

— Не падай духом, брат. Твой путь уходит далеко за горизонт, к которому Баошу никогда не приблизится.

Ду Чэнъин лишь горько усмехнулся и отвел взгляд. Линь Ци оставался верен себе: с какими бы трудностями они ни сталкивались, он лишь подталкивал его вперёд, в упор не замечая никаких иных сигналов.

Его холодность в чувствах граничила с жестокостью.

Ду Чэнъин выпустил его руку и тихо произнёс:

— Мне не важно, как далеко я уйду...

Его волновало лишь то, кто будет идти рядом.

— Твоей широте души можно только позавидовать, — похвалил его Линь Ци.

Ду Чэнъин едва не задохнулся от такого ответа.

— Позволь, я обработаю твою рану, — продолжил Линь Ци. Это было тем, в чём он действительно знал толк.

Он занимался лечением со всей тщательностью. Он не тратил время на пустые слова утешения: его взгляд был сосредоточен исключительно на повреждённой плоти. И хотя они сидели совсем рядом, в воздухе не было ни намёка на романтику.

— Готово.

Линь Ци облегчённо выдохнул и слегка улыбнулся. Его глаза светились чистотой, словно прозрачная горная река, в которой не отражалось ничьё лицо.

Ду Чэнъян тяжело вздохнул и запахнул одежды.

— Спасибо.

— Я же просил — не нужно церемоний, мы ведь теперь соученики, — отозвался Линь Ци. — Если кто и должен благодарить, так это я. Ты поддержал меня на лестнице и привёл к Мастеру Саньюэ.

Он обвёл взглядом комнату и добавил:

— И подготовил для меня столь чудесное место. Во всём этом — лишь твоя заслуга, за которую я тебе бесконечно благодарен.

Лицо Ду Чэнъяна помрачнело.

— Ты ведешь счёт слишком скрупулёзно, младший брат.

— Разумеется. Я помню каждое твоё доброе дело и обязательно верну тебе долг сторицей, — уверенно ответил Линь Ци, твердо решив во что бы то ни стало наставить Ду Чэнъяна на путь истинный.

Сердце Ду Чэнъяна окончательно упало. В прошлой жизни он давно любил Линь Ци, но годами не решался признаться именно по этой причине.

Его «старший брат» лишь казался мягким и покладистым. На самом же деле... его сердце было холоднее и твёрже любого камня.